

1960–1961 гг. Деятельность всемирной организации, отмечает И.В. Гайдук, оценивалась Москвой и Вашингтоном как выгодная противоположной стороне (с. 266–268). Речь Н.С. Хрущева в ООН в сентябре 1960 г. содержала личные нападки на Д. Хаммаршельда. Исследователь считает, что предложенная тогда советским лидером реформа – введение “тройки” вместо поста Генерального секретаря – могла бы иметь крайне негативные последствия для эффективного функционирования ООН и потому не нашла отклика у большинства государств (с. 271). Кроме того, события вокруг Конго выявили и ограниченную поддержку Москвы со стороны молодых государств Азии и Африки: по мнению И.В. Гайдука, СССР при голосовании получал поддержку большинства стран “третьего мира” скорее потому, что одобрял выдвигаемые этими странами инициативы (с. 275).

В работе предпринимается успешная попытка осветить малоисследованный вопрос о роли ООН в разрешении Карибского кризиса. Одним из важных посредников в его урегулировании стал Генеральный секретарь организации У Тан. Предложение США о выводе советского ядерного оружия с Кубы в обмен на невмешательство США в кубинские дела, официально переданное через Генсека ООН, в определенной степени позволило Н.С. Хрущеву “сохранить лицо” (с. 294). И.В. Гайдук солидаризируется с У Таном, отмечавшим, что события вокруг ракетного кризиса продемонстрировали полезность ООН как медиатора конфликтов, в первую очередь, между сверхдержавами.

Исследователь считает, что “во многом успеху ООН, как это ни парадоксально, способствовало стремление самих сверхдержав, несмотря на разногласия, сотрудничать с этой организацией для решения острых вопросов международной политики” (с. 14). ООН не смогла предотвратить развитие конфронтации между Москвой и Вашингтоном. Эта организа-

ция, в частности из-за неконструктивной политики сверхдержав, во многом оказалась заложницей “холодной войны” (с. 315–317). Однако нельзя отрицать и положительную роль ООН в разрешении международных кризисов, особенно вокруг Берлина и Кубы. “ООН доказала свою полезность как средство достижения компромисса, инструмент умиротворения и попросту служа местом, где государства могли дать выход своим эмоциям и довести до сведения других членов мирового сообщества свои требования и претензии”, – резюмирует автор монографии (с. 316).

Книга И.В. Гайдука является вкладом в развитие историографии деятельности ООН – темы, которая до недавнего времени мало привлекала исследователей. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на начало исследовательского “Проекта истории Организации Объединенных Наций”². Труды И.В. Гайдука стимулируют развитие в России научных разработок в этом направлении.

История диктует необходимость сотрудничества ведущих государств в решении ключевых проблем мирового порядка. Без эффективной действующей ООН решить эти задачи вряд ли удастся.

В.В. Романов,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой международных
отношений и политологии Тамбовского
государственного университета
имени Г.Р. Державина.

С.В. Хомуткин,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отноше-
ний и политологии ТГУ.

² United Nations History Project. Режим доступа: <http://www.unhistoryproject.org>

Г.П. Мурашко. ИЗБРАННОЕ. М.: Институт славяноведения РАН, 2011, 537 с.

Коллектив Института славяноведения избрал самую лучшую форму поздравления с юбилеем своего многолетнего сотрудника доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Галины Павловны Мурашко. Вместо хвалебных статей друзей, соратников и учеников был издан сборник избранных работ юбиляра. Это является не только оценкой более чем полувековой ответственной, честной и интенсивной работы Г.П. Мурашко. Значимость изданной книги заключается, на наш взгляд, в том, что она дает возможность познакомиться

с частью научного наследия ученого. Она служит наглядным доказательством того, что работа Г.П. Мурашко исключительна не только по своей направленности, своему содержанию, а прежде всего по своему характеру. Уже тот факт, что без всякой ретуши и переделок могла быть включена в юбилейный сборник ее статья, написанная в начале 60-х годов XX в., является доказательством исключительности ученого и его характера. В сборник включены в хронологическом порядке (в соответствии с датами публикации) 13 статей, составляющих около

одной десятой части созданного ею, о чем свидетельствует приложенная библиография.

На путь профессионального историка Г.П. Мурашко вступила после окончания исторического факультета МГУ в 1954 г. В это время история больше чем другие общественные науки была деформирована идеологией. Фатальная деформация историографии обуславливалась концепцией исторического материализма, который базировался на специфическом понимании истории, как необратимого поступательного процесса¹. Учитывая это существенное обстоятельство, и следует оценивать способность Г.П. Мурашко искать и находить “в болоте” суеверий, догматов, предрассудков и кампаний в тогдашней историографии тот “остров”, где можно было бы творчески работать. В 60-е годы XX в. таким “островом” была экономическая и социальная история. Этот этап в рассматриваемом сборнике представлен статьей “К вопросу об экономическом развитии Чехословакии в 1918–1923 гг.: укрепление позиций чешской буржуазии”, которую Г.П. Мурашко опубликовала как аспирантка Института славяноведения в 1961 г. Вдумчивая аналитическая работа со статистическим материалом привела ее к выводам, которые соответствуют контексту современных знаний. Сколько других работ по обществоведению могло бы выдержать публикацию через 50 лет!

Чехословакия осталась в центре внимания Г.П. Мурашко и на следующих этапах ее научной деятельности. В работе о политической борьбе за национализацию средств производства (1944–1948), опубликованной в 1986 г., автору удалось творчески соединить анализ политической и социальной истории. Последующие ее научные изыскания уже прочно связаны с политической историей послевоенной Европы, а именно с дискурсом вокруг феномена народной демократии и февральского переворота 1948 г. в Чехословакии. В опубликованной в 1993 г. статье “Чехословакия на перепутье: “неклассовый национальный социализм” или социализм в коммунистической интерпретации?” (с. 179–204) автор показывает, что февральские 1948 г. события явились результатом борьбы политических носителей различных программ построения социализма, которые предлагались обществу как коммунистами, так и другими политическими носителями социалистических идей. Этот подход сегодня оценивается чешскими историками как новаторский²

и перспективный с точки зрения анализа дальнейшего развития чехословацкого общества. В современных дискуссиях о причинах и характере февральского переворота 1948 г. позиция Г.П. Мурашко, базирующаяся на новых объективных документах российских архивов, весьма весомо аргументирована. А в вышедшей в 1998 г. ее статье “Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии и советское руководство (По новым материалам российских архивов)” убедительно доказано, что итог февральского кризиса определялся далеко не только воздействием “русского фактора”, но и в первую очередь участием внутренних сил в установлении тоталитарного режима в Чехословакии.

Ставшие доступными сравнительно недавно материалы российских архивов обусловили новый подход автора к проблемам внутривосточного развития Чехословакии в 1950-е годы. В статье “Властная вертикаль и эволюция умонастроений в Чехословакии в 50-е годы XX в. (По документам российских архивов)” Г.П. Мурашко проанализировала последствия экономического и политического кризиса, повлекшие за собой потерю правящей группировкой поддержки в обществе и ее попытки сохранить тоталитарный режим после смерти Сталина и разоблачения его культа. Проведенный анализ общественных настроений позволил выявить зарождающиеся в различных социальных группах чешского и словацкого общества очаги критического осмысления сути существующего режима и попыток сопротивления его консервации. Именно тогда, на рубеже 1950–1960-х годов, стали зарождаться силы, предпринявшие несколько лет спустя, в 1967–1968 гг. попытку осуществить принципиальное реформирование общества (с. 230–266). Данная статья Г.П. Мурашко является важным вкладом в современный дискурс “о партии как утопии”, которая в годы десталинизации должна была осуществить обновление, перестройку и свое очищение.

Значительные результаты аналитической работы были получены Г.П. Мурашко и в сфере, которая требовала особо осторожного подхода. Речь идет о вопросах мировосприятия, веры, церковной принадлежности и политики власти в отношении верующих. В сборнике помещены статьи, посвященные этой проблематике³. В них документально показано стремление

¹ Павел Коларж говорит о ведущей позиции истории в создании коммунистического мифа. – *Kolař P. Strana ako utopie. – Soudobé dějny*, 2012, № 2, S. 237.

² См. *Křesťan J. Anotací. – Ibid.*, S. 352.

³ “Судьбы греко-католической церкви в странах Восточной Европы после Второй мировой войны” (с. 353–370); “Государственная власть и католическая церковь в странах Центральной Европы. 1948–1952” (с. 371–403); “Греко-католическая церковь в Словакии после Второй мировой войны” (с. 403–421).

утвердившихся у власти послевоенных режимов использовать православную церковь отнюдь не только для укрепления советского влияния в государствах Центральной и Восточной Европы, но и решения своих проблем, связанных с этнонациональными и конфессиональными конфликтами. Проанализировав и сопоставив материалы по Польше, Румынии и Венгрии, автор акцентирует внимание на специфике решения этого вопроса в Чехословакии и особенно на позиции президента Э. Бенеша в решении судеб униатской церкви как в Словакии, так и некоторых других странах региона.

Изучение документов, хранящихся в фондах Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории, открыло возможность рассмотреть общественную ситуацию в странах Восточного блока в конце 1940-х – начале 1950-х годов XX в., в условиях, когда по инициативе Москвы в них была развернута кампания политических процессов против ряда руководителей коммунистических партий с целью принятия ими сталинской концепции ускоренного построения социализма. В вышедшей в 2010 г. статье “Государственный антисемитизм в СССР и внутрипартийные политические репрессии в странах Восточной Европы на рубеже 1940–1950-х годов” Г.П. Мурашко сосредоточила внимание на возникновении государственного антисемитизма в СССР и использовании этого инструмента в странах региона в ходе политических репрессий. И хотя процесс над руководством “Антигосударственного шпионского центра” во главе с Р. Сланским чешскими историками был уже многократно исследован и разоблачен как целиком сфабрикованный, тем не менее полтора десятка новых документов, опубликованных в рецензируемом сборнике дают новые документальные свидетельства об активном участии чехословацких и советских руководителей в подготовке самого крупного процесса такого рода в послевоенной Европе (с. 287–353).

Для теоретического понимания послевоенного развития Центральной и Восточной Европы особое значение имеют две работы, которые вызвали в среде современных историков и политологов большие споры о характере тоталитаризма, особенно о его нацистской и коммунистической форме⁴. Рецензией на книгу М. Реймана Г.П. Мурашко включилась в общеевропейскую дискуссию о теории тоталитаризма, которая вновь разгорелась после выхода

“Черной книги коммунизма”. Она отдала должное именно историческому подходу М. Реймана при анализе сравниваемых феноменов: коммунизма и фашизма. Как историк, отмечалось в рецензии, Рейман, сравнивая генеалогию обеих форм тоталитаризма, совершенно обоснованно видит их общий исток – глубокий кризис либеральной демократии, наступивший одновременно с Первой мировой войной 1914–1918 гг. Оба эти порожденные кризисом либерализма социальные движения и политические режимы в процессе своего существования и развития приобрели разное обличье и трансформировали свои методы и средства, которые позволяли им удерживать власть. Характерной чертой обоих тоталитарных режимов являлось использование механизма согласия, который опирался как на элементы убеждения, так и на элементы насилия. Как рецензент, Г.П. Мурашко не могла не отметить постановку М. Рейманом двух проблем важных при исследовании социализма как тоталитарной системы: как оценивать исторические результаты эпохи социализма в СССР и каковы были причины краха этой системы? Эти вопросы остаются на повестке дня современной исторической науки. Они ждут научного ответа от нового поколения историков.

Для понимания современного общественно-го развития считаю весьма позитивным обращение Г.П. Мурашко к изучению социальных причин, идейных истоков и действующих лиц “Пражской весны”⁵. Являясь специалистом по новейшей истории Чехословакии, с глубоким знанием послевоенного общественного развития этой страны она рассматривает зарождение “Пражской весны” как естественный результат эволюции социальных процессов, а ни в коей мере, как контрреволюционный переворот, инспирированный извне. В отличие от других реформ в регионе Центральной и Восточной Европы, чехословацкая попытка 1968 г. была подавлена не внутренними силами, а путем открытого внешнего вмешательства. Закулисье этих событий до сих пор остается “чистым неспаханым полем” для тех, кто занимается новейшей историей Чехии и Словакии. В рецензируемом сборнике опубликован доклад, с которым Г.П. Мурашко выступала на конференции в Москве, посвященной 40-летию “Пражской весны”. Приведенный в нем конкретный материал показывает, что, несмотря на поставленные советской стороной в 1967–1968 гг. информационные барьеры, идеи чехословацких реформаторов о тесной взаимосвязи и взаимозависимости процесса демок-

⁴ *Curtois S. Černá kniha komunismu: zločiny, teror, represe. Český, 1999; Reiman M. O komunistickém totalitarizmu a o tom, co s tím souvisí. Praha, 2000.*

⁵ *Мурашко Г.П. Человек «Пражской весны». – Славяноведение, 2008, № 3, с. 76–100.*

ратизации и интеллектуальной свободы как важнейшем условии поступательного развития общества в условиях набирающей темпы научно-технической революции, получили отклик и прямую поддержку в среде советской научной и творческой интеллигенции.

После “архивной революции” начала 90-х годов, когда исследователи получили доступ к ряду документов, находившихся ранее в советских архивах на режиме особого хранения, открылись новые возможности научного дискурса ряда неясных и нерешенных проблем. Остается безусловной заслугой Г.П. Мурашко и коллектива Научного центра по истории сталинизма в Восточной Европе, созданного в 1993 г. и которым она руководила первые 10 лет, что они на практике доказали возможность в бурное время меняющейся идеолого-политической конъюнктуры защитить требования исторической науки. Доказательство тому – созданная ими документальная основа для переоценки послевоенной

истории Центральной и Восточной Европы. Без шеститомной публикации документов, подготовленной Центром, нельзя представить себе дальнейшее развитие исторической науки этого региона. Эта колоссальная и необычайно кропотливая работа сделавшая доступными (а для зарубежных исследователей вообще трудно достигаемые) важнейшие документы – является истинной службой науке.

Г.П. Мурашко отлично овладела мастерством высокопрофессионального исследователя, которое, по определению Р. Роллана, упомянутого в сборнике, предполагает честный мужественный поиск правды. Чешские и словацкие историки высоко ценят работу русской коллеги, и благодарны ей за то, что она всегда использовала свои знания и открытия для взаимопонимания между народами.

К. Ехова,

научный сотрудник Института современной истории Чешской академии наук

J. Baberowski. VERBRANNT E ERDE. STALINS HERRSCHAFT DER GEWALT. München: C.H. Beck, 2012, 606 S.

Й. Баберовски. ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ. ГОСПОДСТВО НАСИЛИЯ ПРИ СТАЛИНЕ. Мюнхен, 2012, 606 с.

В последние десятилетия гуманитарии Германии дважды вступали в серьезные дискуссии о понимании истории советско-германских отношений в XX в. Первой был “спор историков” 1980-х годов. Он касался начатой нацистской Германией за полвека до того якобы “превентивной войны” против СССР, порожденной “опасностью распространения большевизма по всему миру”.

В споре с этой ложной версией, выраженной тогда ярче всего Э. Нольте¹ с очевидной целью снять с Германии ответственность за развязанную ею Вторую мировую войну, за расправы с мирным населением, за огромный материальный и духовный ущерб, приняли участие многие крупнейшие западногерманские историки, поддержанные зарубежными, в частности российскими, коллегами. В результате прогрессивные ученые дали Нольте должный отпор. Годы спустя член российско-германской Комиссии современной истории Х.А. Винклер констатировал, что “спор историков” не принес каких-либо новых исторических открытий,

но был важен для политической культуры ФРГ: “При отражении оправдывающей атаки Нольте образовалось нечто вроде пост-аденауерской интеллектуальной левой”².

Весной 2012 г. в ФРГ начался новый “спор историков”. К Лейпцигской весенней книжной ярмарке 2012 г. крупное мюнхенское издательство “Бек” приурочило выход в свет новой книги о Сталине под названием “Выжженная земля. Господство насилия при Сталине”. Ее автор, профессор истории Восточной Европы Университета им. братьев Гумбольдт в Берлине Й. Баберовски, сразу же, не дожидаясь публичного обсуждения его новой работы, был отмечен издательской литературной премией. Однако расчет на однозначный стремительный успех книги провалился: с ее резкой критикой выступили видные специалисты по новейшей истории России.

В предисловии Баберовски претенциозно заявил о намерении радикально пересмотреть собственную точку зрения, выраженную в работе “Красный террор. История сталинизма”³:

¹ Historikerstreit. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München, 1987; Nolte E. Der Europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a.M., 1989.

² Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen, Bd. 2. München, 2001, S. 445.

³ Baberowski J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München, 2004; Баберовски Й. Красный террор (серия “История сталинизма”). М., 2007.